УДК 82-1 (Поэзия. Стихи, оды, поэмы, баллады и т. д.)

СМЫСЛОВОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОСЬМИСТИШИЯ РАСУЛА ГАМЗАТОВА)

© 2025 М.М. Халиков

*Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, профессор,
старший научный сотрудник Института базовой подготовки*

<https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

E-Mail: magomed_samara@mail.ru

*Приволжский государственный университет путей сообщения
Самара, Россия*

Статья поступила в редакцию 01.06. 2025

В статье предпринята попытка актуализации одного из релевантных аспектов практики включения прецедентных феноменов в структуру художественного текста – проблема гармонизации двух генетически различных текстовых формирований по их культурно-коннотационному потенциалу и вытекающей из этого творческой и этической ответственности автора по отношению к источнику заимствования. В качестве примера успешного решения указанной проблемы рассматривается стихотворение-восьмистишие Расула Гамзатова, построенное путем композиционно-тематического полнотекстового развертывания известного библейского изречения «В начале было Слово» и выражающее боль и тревогу поэта из-за неспособности человечества искоренить войны как величайшее и трагическое зло. Обращение к источнику в ореоле тысячелетней достопримечательности культуры, с одной стороны, является творческим вызовом и этическим испытанием для художника слова, с другой – открывает возможность существенного расширения смыслового и экспрессивного потенциала произведения путем синтетического взаимосогласованного применения заимствованной и собственно-авторской речевой субстанции. Выбранное в качестве образца стихотворение поражает читателя простотой формы и необычайной плотностью многоуровнево-выстроенных эксплицитных и имплицитных смыслов, интенсивность и разнообразие которых обеспечивается синтезом трех дискурсивных типов речи – поэтической, религиозной и публицистической. В статье приводится авторский подстрочный перевод стихотворения, в котором с достаточной для семантико-прагматического анализа степенью адекватности воспроизводится смысловая структура оригинала.

Ключевые слова: Расул Гамзатов, восьмистишие, проблема трактовки библеизма «В начале было Слово», прецедентность, разнообразие видов семантической информации в стихотворном тексте

DOI: 10.37313/2413-9645-2025-27-102-93-100

EDN: GWAPVI

Введение. Расул Гамзатов говорил много раз о двух крылах своей поэзии – аварско-дагестанском и русско-европейском. Эта особенность его творчества проявляется по-разному: в переводах восточной и русской поэзии, в художественно-контекстном обращении к личности и творчеству поэтов христианского и мусульманского мира, в заимствовании характерных для названных культурных парадигм жанрово-структурных стихотворных форм и т.д. Знаменательным признаком межкультурного диалога в творчестве поэта является использование инокультурных прецедентных текстов для организации художественно-семантического пространства своих произведений. Свобода применения текстовых элементов, не продуцированных в пределах собственного когнитивно-коммуникативного дискурса, свойственна сильной творческой личности. Лучший пример – А.С. Пушкин. И только гению дано достойно справиться с возникающим в контексте обращения к прецедентным феноменам метафизическим и этическим вызовом: собственный его текст, в обрамлении которого выступает заимствованный элемент, по художественной ценности должен быть сопоставим с ним и его идейно-смысловыми коннотациями. Интересным примером выполнения данного условия при включении инокультурного прецедентного элемента в авторский текст является выбранное для анализа стихотворение Расула Гамзатова.

История вопроса. В исследовании проблематики прецедентных текстов накоплен значительный опыт. Основы теории прецедентности были заложены в конце 80-х гг. прошлого столетия, тогда же были выделены сущностные отличительные признаки таких текстов: 1) значимость в познавательном и эмоциональном отношении, 2) общеизвестность в среде носителей языка, 3) регулярная употреби-

тельность в процессах коммуникации [Караулов Ю.Н., с. 216]. Различные аспекты многогранной проблематики лингвистической прецедентности исследуются в работах И.С. Вацковской [3], Л.В. Дубовицкой [5], Г.Г. Слышкина [10], Ю.А. Эмер, Л.М. Гриценко [11], Т.Б. Радбиль [9] и др. Тема представляется весьма перспективной в приложении к творчеству поэтов и писателей, работающих в пространстве синтеза культур и различных языковых картин мира. Таков интеллектуальный и творческий образ Расула Гамзатова.

Важнейшая характеристика личности и творчества Р. Гамзатова – глобальность мысли, восприятие мира в его целостной онтологии, в отвлечении от физической и политической карты, разделяющей страны и народы. В нем отзывается болью гуманитарное неблагополучие в любой точке мира, больше всего тревожит поэта неспособность человечества победить войну. Эта тема лейтмотивна во всем его творчестве – не только поэтическом, но также в публицистическом и персонологическом (интервью). Особо выделяется в этом ряду стихотворение (восьмистишие) без названия, написанное в 1968 г. Оно приводится здесь в подстрочном переводе автора статьи:

Слышал я: до сотворения мира
Слово было сказано одно:
Возможно – как указ, возможно – как заклинание,
Возможно – как мольба, возможно – как молитва.

В нашем мире, омываемом кровью,
Как хочется, чтобы прозвучало такое слово,
Чтобы оно было указом, было заклинанием,
Чтобы было мольбой, было молитвой¹.

Можно надеяться, что семантика оригинала в переводе воспроизведена вполне адекватно, но эффекты трансформирования великолепно организованного фоностилистически поэтического текста в полупрозу существенно искажают эстетическую сторону произведения.

Методы исследования. Поэтическое произведение представляет собой сложноорганизованный семиотический объект, требующий комплексной методики филологического описания. Для уточнения концептуальной базы исследования проведен критически-селекционный обзор специальной литературы. При работе с эмпирическим материалом применялись методы лингвопоэтического и семантико-стилистического анализа. В ряде случаев была необходимость обращения к технике контекстуального и контрастивно-лингвистического анализа.

Результаты исследования. Задачей данного проекта было выявить текстопорождающий и смыслогенерирующий потенциал прецедентного текста на примере отдельно взятого стихотворения Расула Гамзатова. За исходное было взято предположение, что путем обращения к коммуникативно сильному источнику с релевантными культурно-историческими коннотациями автор открывает для себя возможности существенного расширения смыслового пространства текста и его коммуникативно-выразительных характеристик. Поэзия – субстанция особого рода, важнейшая ее особенность – способность порождать новые смыслы и выразительные эффекты, быть в постоянном когнитивно-эмоциональном диалоге с читателем. Исследование подтвердило, что включение прецедентного элемента в поэтическое произведение способствует концентрированному усилению в нем фундаментальных свойств его онтологии.

Библейский сюжет о сотворении мира – прецедентно-текстовая основа стихотворения. Стихотворение построено как концептно-тематическое развертывание известного сюжетного элемента из библейской мифологии. Эксплицитно источник не назван, и в принципе возможна трактовка в духе «Один человек на улице сказал», но ввиду абсолютно очевидной ценностно-идеологической доминантности текста священного писания в этой семантической драматургии возможность альтернативной идентификации исключена. Момент мистификации необходим для создания эффекта полифонии смыслов и диалогического обращения к читателю: «Знаешь, где это сказано?» В первых двух стихах

¹ Гамзатов Р. Данде гьарурал асарал. VI тӀехь. (Гамзатов, Р. Собрание сочинений. Том VI). – Махачкала: Дагкиноиздат, 1975. – С. 62.

встречается еще один пример смысловой дополнительности – в виде фигуры иконического параллелизма: библейское Начало упоминается в начале стихотворения, этим подчеркивается желание находиться в гармонии с культурно-значимым источником. Надо заметить (и это будет доказано позже): стихотворение отличается поразительной концентрацией и многоплановостью смыслов.

В системе языка и коммуникации наблюдается такой парадокс: степень известности и распространенности некоторого явления коррелирует с мерой его семантической неопределенности. Фундаментально-значимые концепты ускользают от попыток выявления их четкого и признаваемого всеми понятийного содержания (*мама, свобода, демократия* и т.д.), но продолжают функционировать в качестве важнейших конструктивных элементов языкового сознания и дискурса. К числу таковых можно отнести и концепт «В начале было Слово», играющий ключевую роль в организации общемирового когнитивного и коммуникативного пространства. Поучительная его судьба в истории культуры. Текстуально он является первой частью начальной фразы из Евангелия от Иоанна («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»). Структурное уменьшение существенным образом изменило коммуникативный и семантический статус этого важнейшего библейского артефакта. Во-первых, он получил широкое распространение, в том числе (или по преимуществу) – за пределами теологического дискурса, в общекоммуникативных практиках. Во-вторых (и в связи со сказанным), усложнилась структура его бытия: он актуализован не только как элемент повествовательной динамики текста, но и как когнитивная единица языкового сознания, участвующая в формировании картины мира. Его генезис интертекстуален, в нем воспроизводится общая для добиблейского ориенталистического культурно-мировоззренческого сознания декларация о первосущности Слова; ср.: «В основных космогонических моделях (Ригведа, Ветхий Завет) мир творится произнесением имен и выкликиванием бытия из небытия. Творчество мира номинативно, он рождается как онтологический «текст», как отклик на оклик по имени» [Васильева Г.М., с. 228].

Выраженный простыми и понятными словами тезис о предшествовании вербально-волевой интенции акту сотворения мира теряет смысловую безупречность, как только поднимется вопрос об аутентичной и переводной семантике ключевого термина *Слово* в его составе. Проблема – в полисемантической первоисточника, древнегреческого понятия *λόγος*, (*Логос*), охватывающего спектр значений, дифференцируемых современными европейскими языками как явления альтернативного семиозиса (*слово, понятие, мысль, идея, смысл, воля, изречение, рассуждение, повествование, речь, дело, деятельная любовь и др.*). Неудовлетворенность каноническим переводом высказывали многие, в том числе – выдающиеся умы. И.В. Гете свое скептическое отношение к сложившейся практике семантизации библейского утверждения выразил в монологе главного героя Фауста, который перебирает возможные варианты перевода – *Wort* (*слово*), *Sinn* (*смысл*), *Kraft* (*сила*), *Tat* (*дело, поступок*) – и останавливает свой выбор на последнем («*В начале было дело*»). Л.Н. Толстой разбирает 11 толкований *Логос* и приходит к выводу, что в наибольшей степени духу Евангелия отвечает перевод «*Началом всего стало разумение жизни*» [Толстой Л.Н., с. 219].

Критическое отношение к толкованию семантики *Логос* существует и среди ученых-гуманитариев, ср.: «...общепринятый перевод евангельского текста “В начале было Слово...” не вполне точен. Возможно, наиболее адекватная интерпретация была бы таковой: В начале была Идея» [Вендина Т.И., с. 28].

Дискуссии о семантической субстанциональности евангельского изречения можно отнести к категории *вечных дискурсов*, они не предполагают консенсусного завершения. Причина – в принципиальных различиях природы номинативных процессов в античных и современных европейских языках: первые ориентированы на холистическое восприятие мира (в синтезе, через идею целостности, процессуально), вторые – на аналитизм, через рассечение целого, фрагментаризацию структуры. Но дискуссии и критические рефлексии необходимы, это модус развития мысли и мышления – как совокупности общечеловеческих знаний, и как индивидуального опыта познания.

Р. Гамзатов открыл новую грань в проблеме толкования этой основополагающей константы мировой духовной культуры. Не ставя под сомнение корректность перевода (что в принципе и не входит в замысел произведения), более того – исходя из незаявленной презумпции его правильности, поэт, действуя по интуиции и не прибегая к терминологической казуистике, обращает внимание на необходимость осмысления данного высказывания в аспекте лингвистической прагматики, с точки зрения его модально-интенциональной коммуникативной функции. Этот методологический поворот отра-

жает идеологию лингвистики нового времени, решительно дистанцировавшейся от формально-логической догматики и фокусированной на идее релевантной взаимодополнительности формы и содержания в процессах общения (значимо не только ЧТО сказано, но и КАК). Любое высказывание есть волевой акт субъекта речи, осуществляемый с определенной целью, облакаемый в ту или иную форму модальности. В естественных условиях коммуникации спецификация по модальности представляет собой первый шаг семантической реализации высказывания. Вне модальной определенности коммуникации нет.

Поэт выделяет четыре варианта модально-интонационного прочтения библейской мифологемы – в виде приказания, заклинания, мольбы или молитвы. Из множества возможных выбраны те, которые характеризуются (1) как сильные коммуникативные события и (2) предполагают обязательность выполнения воли говорящего. Семантический изоморфизм по признаку неординарной интенсивности выражения императивной функции нужен для подчеркивания лежащей в основе стихотворения текстообразующей идеи – «Только мощная воля способна остановить сползание в бездну жестокости».

Смысловое развитие произведения на основе прецедентности. Прецедентность, как и интертекстуальность в целом, выступает как способ эмпирически очевидного представления господствующей в современных теориях коммуникации и семиозиса идеи об универсальном единстве и взаимообусловленности процессов вербально-текстового общения людей. «Каждый текст является звеном в общей цепи культурного общения человечества» [Арнольд И.В., с. 364]. Каждый текст является откликом – на другой текст, событие внешнего мира, импульс духовной жизни, людское окружение и т. д. Каждый текст является в то же время ожиданием отклика – интеллектуального или эмоционального переживания; текст становится субстанцией духовности только в процессе чтения или устного восприятия. Особенно заметно это проявляется в художественной коммуникации и прежде всего – в поэзии. Энергетическая сущность (сила воздействия) поэзии определяется интенсивностью выражения в ней отклика на эмоционально-эстетические и интеллектуальные запросы людей или ее способности быть силой, по-новому организующей наше духовное пространство. Вне пространственно-временной актуализации художественное слово превращается в безжизненный артефакт.

Для поэзии сущностно значим не только аспект внешней связи, метафизика хронотопической детерминированности. Важно, что она синтетична в своем генезисе, возникает как сплав, соединение, связь, взаимопроникновение многих явлений: формы и содержания, разума и чувств, прошлого и настоящего, своего и чужого, знания и интуиции, текста и контекста.

Примечательной особенностью выбранного для изучения стихотворения является то, что в нем связь с библейским текстом (по факту заимствования) выступает как мотив для интенсивной внутриконтекстной актуализации самого понятия *связь* с использованием разнообразных языковых и художественно-изобразительных средств. Это понятие не вербализовано, не представлено в словесно-текстовой ткани произведения. Но его значимая роль для организации контекстной семантики очевидна, эта роль – на уровне гиперсемы (символа), транслирующей в текст главную мысль – о взаимосвязанности и взаимозависимости явлений в мире, о необходимости диалога и взаимопонимания – как единственной альтернативы войне, которая может привести к самоуничтожению человечества.

Стихотворение представляет собой хороший пример для демонстрации семантико-прагматических эффектов, которые возникают в художественном пространстве текста при фокусированной на одном референте актуализации разноуровневых связей между его содержательными и формообразующими элементами. Это проявление семиотического иконизма в языке – семантическое выдвигание ключевого концепта и его импликационного поля (*связь, целостность, единство, диалог и т.д.*) посредством концентрированного употребления приемов и средств, интерпретируемых метаязыковым сознанием в проекции на данный ключевой концепт. Плотность и разнообразие внутритекстовых связей обеспечивает необходимый семантический результат (в духе диалектики: переход количества в качество).

Связь стихотворения с библейским сюжетом является основной, семантически-доминантной, текстообразующей. Ввиду фундаментальной мировоззренческой и идеологической значимости первоисточника можно говорить и о включенности стихотворения в глобальный культурно-исторический курс.

В стихотворении поднята болевая проблема современности, это произведение на злобу дня, апелляция к сознанию людей. Связь с актуальным настоящим очевидна. Здесь обнаруживается еще один аспект дискурсивных связей стихотворения: в нем интегрируются, выступают во взаимосвязанном единстве три функциональных типа речи: поэтический, религиозный и публицистический. Синтез разнокачественных дискурсивных потенциалов увеличивает нелинейное смысловое пространство, усиливает прагматику произведения.

Важное значение для стихотворения и формирования его когнитивно-интерпретационного пространства имеет идея взаимосвязей и диалога между христианской и исламской культурами, актуализованная ввиду национальной и духовной идентичности автора, выросшего и лично-самоопределившегося как носитель исламской цивилизационной модели и обращающегося в своем творчестве к интеллектуальным ресурсам христианской культуры.

Прецедентный текст и авторское поэтическое произведение относятся к разным историческим эпохам – по факту появления. Следовательно, можно говорить и о диалоге эпох и культур, охватывающем 2000-летний период, о преемственности и вечности гуманитарных ценностей.

Связи с мировым культурологическим контекстом дополняются и прагматически усиливаются в стихотворении разноплановыми внутритекстовыми связями. В колоритном разнообразии представлены ритмико-мелодические и синтаксические связи (повторы, параллелизмы), характерные для традиционного поэтического творчества. Геометрически строгий рисунок повторов, семантически трансформируя функцию компонентов плана выражения, интенсифицирует прагматику восприятия. Организация лексического материала произведения также в значительной степени построена на разных типах повтора, в оригинале еще – и фоностилистических.

Важнейшим конструктивно-семантическим элементом стихотворения является лексическая связь по признаку антонимичности, смысловое и идейно-проблематическое содержание произведения вырастает по существу из антитезы *рождение/гибель (мира)*. Сама эта антитеза выступает в проекции на другую – *реальное/виртуальное*, поскольку противопоставляются историческое событие из прошлого, неизбежно воспринимаемое нашим сознанием в категориях субстанционального опыта, и вероятностное событие из будущего.

По принципу контраста организована также внутритекстовая связь между четырьмя иллокутивными интерпретациями модально-волевой специфики Слова из библейском сюжета (*указ, мольба, заклание, молитва*) в двух частях стихотворения. В первом четверостишии эта связь – на основе логического отношения дизъюнкции, здесь актуализируется идея альтернативности (*или-или*); второе четверостишие, напротив, построено по принципу конъюнкции, на идее синергетики, сложения и взаимоусиления концептов (*и-и*).

Особого упоминания заслуживает связь между словами в тексте по признаку гармонии стилистических характеристик: в целом лексический строй стихотворения однороден и приближен к бытовой прозе, единственное исключение относится к референтной области войны, здесь применяется эмоционально сильная метафора *омываемый кровью (мир)*. Контраст по признаку *массовое-единичное* подчеркивает идейно-смысловую нагрузку метафоры в тексте.

Дважды (связь по признаку повтора) воплощена в стихотворении идея Бога и божественного чуда: в первом случае – как имплицитно-референтный субъект действия (исторический нарратив о сотворении мира), во втором – как когнитивная идеальная модель некой волевой институции, способной в наши дни остановить кровопролитие на Земле, т. е. совершить чудо, сопоставимое с актом Создателя.

Отметим, наконец, и такой аспект транслируемой в тексте стихотворения идеи связи – моделирование диалога с читателем. Предлагаемый поэтом, лингвопрагматический – по существу, анализ модально-волевой специфики Слова представлен не как дискурсивно-завершенное коммуникативное событие, а дан в развитии, предполагающем возможность участия других субъектов дискурса в обсуждении темы. Подчеркивание автором вероятностного характера своей интерпретации настраивает на мысль о возможности других трактовок, которые могут быть предложены пытливыми читателями.

Художественно-выразительная сила стихотворения построена не на использовании ресурсов лексической стилистики, а на идее интенсификации и многоуровневого усложнения внутритекстовых связей, придания им способности генерировать собственную семантическую субстанциональность. Эмпирически очевидная связь (по заимствованию) с библейским текстом выступает здесь как импульс для массивованного поэтического выдвигания самого концепта *связь* в разнообразных лингви-

стических структурах, что в итоге должно привести к осознанию идеи взаимосвязанности, целостности мира и необходимости сбережения его хрупкого благополучия. Вся конструкция стихотворения и его насыщенная роем смысловых импликаций лингвистическая плоть воплощает центральную для человечества идею – самосохранения через единство и взаимопонимание.

Выводы. Условием успешности языковой коммуникации является способность генерировать новые реалии – когнитивно-содержательные, экспрессивные, эстетические. В реализации критерия новизны важную роль играет реакция синтеза (как и в материально-объектном мире), при которой нетождественные по дискурсивно-номенклатурной принадлежности единицы и структуры вступают во взаимодействие, образуя неотмеченные в прошлом опыте коммуникации смысловые текстовые формы. Одним из таких приемов в художественной коммуникации является включение в собственный текст прецедентных феноменов культуры, которые воспринимаются нашим коммуникативно-языковым сознанием в семантико-прагматическом ореоле «текстов влияния» [Кузьмина Н.А., с. 155] и могут существенным образом обогатить информационно-экспрессивную структуру произведения или его значимого фрагмента. Чем выше культурно-историческая значимость заимствуемых прецедентных элементов, тем острее стоящая перед автором задача – соответствовать в своем творческом результате уровню выразительности первоисточника и его образа в сознании носителей языка и культуры. Если это условие не выполняется хотя бы в релевантном масштабном приближении, то возникает эффект коммуникативной неудачи и дискредитации самого приема. Примером высокой этической и профессионально-творческой ответственности автора по отношению к источнику заимствования является стихотворение Расула Гамзатова, попытка когнитивно-семантического анализа которого представлена в данной публикации. Простота и краткость сочетаются в нем с необычайной плотностью и многомерностью смыслового содержания. Следуя за великими предшественниками, поднимавшими вопрос о точности толкования библейского текста в проекции на субстанцию современных европейских языков, поэт открывает новую грань этой исследовательской задачи, говорит о необходимости рассматривать известное высказывание через призму модально-интенциональной дифференциации – как Слово, произнесенное в определенном состоянии духа, с определенной целью, с определенной интонацией. В созданное автором символическое пространство синтеза культур, религий, исторических эпох драматически контрастно вторгается антитеза созидания/мира и разрушения/войны; в сложном взаимодействии этих дискурсивных факторов образуется многомерная импликатура (по И.В. Арнольд) смыслов и коннотаций, оглашающих тревогу за судьбу человечества.

Расул Гамзатов интернационален и интертекстуален – и как личность, и как творец. Границы и различия в его поэтическом мировоззрении – не национально-языковые, а – по критерию созвучности и соразмерности «гению языка» [Мамардашвили М.К., с. 10], по наличию или отсутствию таланта. Поэтому его творчество знают и любят в мире, свидетельство международного признания поэта – установленные ему памятники в Москве и Дели, в Каире и Тегеране, мемориальная композиция с изображением журавлей и текстом песни – в Лос-Анджелесе. Неслучайно и то, что учреждаемый по инициативе В.В. Путина День поэзии российских народов будет отмечаться 8 сентября, в день рождения Расула (как его почтительно-просто называют в Дагестане).

Источники:

1. Хамзатов, Р. Данде гьарурал асарал. VI тӀехь. (Гамзатов, Р. Собрание сочинений. Том VI). – Махачкала: Даг-книгоиздат, 1975. – 632 с.
2. Толстой, Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий. – М.: Эксмо, 2007. – 768 с.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448 с.
2. Васильева, Г. М. Грамматика как основа мысли в «Фаусте» И.В. Гете//III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы. Т.1. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – С. 228-230.
3. Вацковская, И. С. Прецедентное имя в политическом дискурсе//Studia Linguistica XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. – СПб.: Политехникасервис, 2008. – С. 338-342.
4. Вендина, Т. И. В начале было Слово // Славянский альманах. 2006. – М.: Индрик, 2007. – С. 4-35.

5. Дубовицкая, Л. В. Функция прецедентности иконических компонентов креолизованных текстов // Вестник МГОУ, Серия «Лингвистика». – 2012. – №2. – С. 15-20.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
7. Кузьмина, Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 272 с.
8. Мамардашвили, М. К. Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 544 с.
9. Радбиль, Т. Б. Прецедентные тексты в языковой картине мира//Языковая картина мира в синхронии и диахронии: Сб. науч. трудов. – Н. Новгород: ГНПУ, 1999. – С. 26-34.
10. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 200. – 128 с.
11. Эмер, Ю. А., Гриценко, Л. М. Прецедентный текст: жизнь и судьба // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – №3 (11). – С. 16-24.

SEMANTIC DEVELOPMENT OF PRECEDENT BORROWING IN POETRY (CASE STUDY OF RASUL GAMZATOV'S EIGHT-LINE POEM)

© 2025 M.M. Khalikov

*Magomed M. Khalikov, Doctor of Philological Sc., Professor,
Senior Researcher of Basic Training Institute
<https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>
E-Mail: magomed_samara@mail.ru
Volga Region State Transport University
Samara, Russia*

The article attempts to update one of the relevant aspects of the practice of including precedent phenomena in the structure of a literary text – the problem of harmonizing two genetically different text formations according to their cultural and connotational potential and the resulting creative and ethical responsibility of the author in relation to the source of borrowing. As an example of a successful solution to the above problem, we consider the eight-line poem by Rasul Gamzatov, constructed through a compositional and thematic full-text development of the famous biblical saying “In the beginning was the Word” and expressing the poet’s pain and anxiety due to humanity’s inability to eradicate wars as the greatest and most tragic evil. An appeal to a source in the aura of a thousand-year-old cultural landmark, on the one hand, is a creative challenge and an ethical test for the artist of words, on the other hand, it opens up the possibility of a significant expansion of the semantic and expressive potential of a work through the synthetic, mutually agreed-upon use of borrowed and the author’s own speech substance. The poem chosen as a sample amazes with its simplicity of form and extraordinary density of multi-leveled explicit and implicit meanings, the intensity and diversity of which are provided by the synthesis of three discursive types of speech – poetic, religious and journalistic. The article provides the author’s interlinear translation of the poem, which reproduces the semantic structure of the original with a degree of adequacy sufficient for semantic-pragmatic analysis.

Key words: Rasul Gamzatov, eight-line verse, problem of interpretation of biblicalism “In the beginning was the Word”, precedent, diversity of types of semantic information in poetic text

DOI: 10.37313/2413-9645-2025-27-102-93-100

EDN: GWAPVI

Sources:

1. Gamzatov, R. *Sobraniye sochinenniy. Tom VI (Selected Works. Vol. VI)*. – Makhachkala: Dagknigoizdat, 1975. – 632 p.
2. Tolstoy, L. N. *Soedineniye i perevod chetyrekch evangeliy (The combination and translation of the four Gospels)*. – Moscow: Eksmo, 2007. – 768 p.

References:

1. Arnold, I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual’nost’ (Semantics. Stylistics. Intertextuality)*. 2nd ed. – М.: Book House “LIBROKOM”, 2010. – 448 p.
2. Vasilyeva, G. M. *Grammatika kak osnova mysli v “Fauste” I.Goethe (Grammar as the basis of thought in I.V. Goethe’s “Faust”)/III International Baudouin Conference: I.A. Baudouin de Courtenay and modern problems of theoretical and applied linguistics (Kazan, May 23-25, 2006): works and materials. V.1.* – Kazan: Kazan. state University, 2006. – P. 228-230.

3. Vatskovskaya, I. S. Pretsedentnoye imya v politicheskom diskurse (Precedent name in political discourse)//Studia Linguistica XVII. Language and text in the problematic field of the humanities. – St. Petersburg: Politekhnikaservis, 2008. – P. 338-342.
4. Vendina, T. I. V nachale bylo Slovo (In the beginning was the Word)//Slavic almanac. 2006. M.: Indrik, 2007. Pp. 4-35.
5. Dubovitskaya, L. V. Funktsiya pretsedentnykh ikonicheskikh komponentov kreolovannykh tekstov (Function of precedence of iconic components of creolized texts) // Bulletin of Moscow State University, Series "Linguistics". – 2012. – No. 2. – Pp. 15-20.
6. Karaulov, Yu. N. Russki yazyk i yazykovaya lichnost' (Russian language and linguistic personality). – M.: Science, 1987. – 264 p.
7. Kuzmina, N. A. Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomehy yazika i kul'tyri intertekstual'noi interpretatsii (Intertext: Theme with Variations. Phenomena of Language and Culture in Intertextual Interpretation). 2nd ed., corr. and add. – Moscow: Book House "LIBROKOM", 2011. – 272 p.
8. Mamardashvili, M. K. Ocherk sovremennoy evropeyskoi filosofii (Essay on Contemporary European Philosophy). – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2018. – 544 p.
9. Radbil, T. B. Pretsedentniye teksty v yazykovoii kartine mira (Precedent Texts in the Language Picture of the World) // Language Picture of the World in Synchrony and Diachrony: Coll. scientific. Works. – N. Novgorod: GNPU, 1999. – Pp. 26-34.
10. Slyshkin, G. G. Ot teksta k simволu: lingvokul'turniye kontsepti pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse (From text to symbol: linguacultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse). – Moscow: Academia, 200. – 128 p.
11. Emer, Yu. A., Gritsenko, L. M. Pretsedentnyy tekst:zhizn' i sud'ba (Precedent text: life and fate) // Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism. – 2013. – No. 3 (11). – P. 16-24.